

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА
ИРИНА ВАГАНОВА

Новый год
ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ, ИЛИ
НЕВЕСТА НА ПОДМЕНУ

Екатерина Мордвинцева

Новый год вверх тормашками, или Невеста на подмену

<https://litres.ru/74211372>

Аннотация

Новый год на берегу моря под жаркими лучами солнца или в другом мире? Что выберете вы? Советую хорошенько подумать, чтобы не ошибиться. Когда все идет не по плану, а отдых превращается в череду неудач, во всем можно найти позитивные стороны. Например, вместо загорелых мулатов дракон тоже сойдет за экзотику. Ну и что, что он рычит! Хвост на кулак намотала, в рот кляп, чтобы огнем не плевался и вуаля! Идеальный мужчина готов. Упирается? Возмущается? Да кто его спрашивает?! Держись, хвостатый! Я только начала развлекаться!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	29
Глава 3	44
Глава 4	58
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Пролог

— Ну так что решать будем? — от нетерпения Маша подергивала ногой, словно не могла усидеть на месте от волнения и ожидания.

Они с подругами сидели в уютном кафе, погруженные в атмосферу приятного ожидания, за чашечкой ароматного и вкусного кофе, обсуждая множество планов на захватывающее празднование нового года.

— Я бы с удовольствием дома осталась, — с вечно недовольным лицом произнесла Крис, отпивая из своей чашки этот ароматный напиток, со звоном и легким шорохом поставив чашку на стол, создавая этим мгновение тишины.

— Кто бы сомневался, — заливистый смех Леры, как мелодичный звон колокольчиков, разнесся по всему заведению, привлекая внимание окружающих. — Тебя вечно никуда не вытащишь.

— Не правда! — губы блондинки возмущенно надулись, словно она пыталась выразить все свои эмоции одним жестом.

— Девчат, хватит! — недовольно насупилась Маша, устав от их бесконечных и порой не очень серьезных препирательств. — До нового года осталось чуть меньше месяца. Если мы не хотим дома тухнуть, надо поторопиться. И так уже вряд ли билеты куда-то найдем, что не может не огорчать.

— Это точно, — глубокий вздох Инги был больше похож на пыхтение кипящего чайника, который вот-вот закипит, чем на просто вздох. — И так уже неделю думаем.

— У кого какие предложения? — Маша вновь, полная решимости, взяла инициативу в свои руки и попыталась даже направить их дискуссию в нужное русло.

— Я на море хочу, к солнышку, — мечтательно закатила глазки к потолку Женька, представляя себе, как весело будет загорать под теплым солнцем.

— Размечталась! — в очередной раз осадила ее Инга с лёгкой улыбкой, достала свой телефон и быстро начала в нем что-то искать среди множества приложений и сообщений. — Так... — она водила пальчиком по экрану, задумчиво на него глядя, погружаясь в свои мысли. — Спешу вас огорчить: максимум, куда нам светит, так это только на какую-нибудь базу отдыха, что совсем не радует.

— Не хочу я на базу отдыха! — Градова поправила свои непослушные огненные локоны, как будто собиралась обдумать свои претензии. — Скучно там, и ни о каком веселье не может быть и речи!

— О! — неожиданно оживилась Инга, словно ей пришла в голову гениальная идея. — Есть горящий тур! Вылет двадцать пятого ночью, и это отличная возможность!

— И куда? — Кристина немного отодвинулась в сторону, позволив появившемуся официанту поставить перед ней тарелку с ароматным жареным мясом.

Тут же манящий и непередаваемый аромат разнесся во-круг, и девушки оживились, словно они только что вошли в мир быстрого и вкусного обеда, одна лишь Инга продолжала сосредоточенно возиться в своем телефоне.

— Так куда? — повертев в руке вилку, блондинка отодвинула от себя тарелку, уставившись на подругу с надеждой и любопытством.

— Потом сюрприз будет, — Инга подмигнула остальным, запустив в воздух легкую интригу.

— Нет-нет-нет! — не унималась Крис с настойчивостью, как будто находилась в важной игре. — Как минимум я должна знать, что с собой брать, чтобы все было готово.

— Трусики, бусики и денег побольше, — в голос расходоталась Валерия, создав тем самым расслабленное настроение.

— Ну я серьезно! — протянула Фролова, обидевшись на шутку.

— Да ладно тебе, не обижайся, — расплылась в широкой улыбке Инга, все-таки озвучив название хоть и не совсем популярного, но достаточно хорошего курортного городка на море. — Ну что, все согласны?

— Согласны или нет, возражения не принимаются! Празднуем новый год под яркими лучами солнца! — довольно постановила Дегтярева и подняла свою чашку с фруктовым чаем, полный надежды и радости. — За новогоднее приключение!

— За лучший новый год! — поддержали ее подруги, подняв свои чашки, как будто делая тост за их дружбу и невероятные планы.

Девушки даже не ощутили, как, совершенно незаметно, пролетели дни. И вот уже вечером двадцать четвертого декабря в большом, просторном здании аэропорта царило оживление и легкая суматоха...

— Инга, все-таки жаль, что твой босс такой гад оказался, — грустные и полные сострадания глаза Вари выражали истинное сочувствие, даже через экран телефон. Слова звучали с искренним пониманием на фоне общего бушевания вокруг.

Девушки общались через видео звонок.

— Я не понимаю, почему нельзя было дать тебе эти важные документы раньше? — возмутила Маша, выражая всю свою готовность поддержать подругу. — Ну ведь он точно знал, что они понадобятся. Это ведь очевидно!

— Да гад он просто! — Инга откинулась на спинку кресла, устало закатив глаза, словно стараясь стереть с души всю обиду. Вместо того, чтобы лететь с подругами на замечательный отдых, теперь она была вынуждена работать, отправившись в тёмные дебри бюрократии. — Мне уже кажется, что он специально это сделал, чтобы праздник мне испортить,

просто воплощая свои злые намерения.

— Вот-вот! — поддержала ее Варвара, подавая позитивный настрой. — Я бы на твоём месте ему тоже настроение подпортила, — рассмеялась она, и смех их прозвучал как бальзам.

— Ладно, что уж теперь... Вы там повеселитесь и за меня тоже, — с легкой грустью произнесла Инга, вдруг спохватившись. — Кстати, а где остальные? Что-то их не видно. Посадка уже скоро, и пора готовиться к полету!

Маша обернулась, настороженно осматриваясь по сторонам. Увидев Леру, Женьку, и Дашку, она радостно помахала им рукой, словно подавая сигнал об их встрече.

— Вон девчонки бегут, — кивнула она в их сторону, поспешив навстречу, чтобы помочь с чемоданами, полными ожиданий и ярких моментов.

— А Крис и Ольга где пропали? — с непониманием в голосе спросила Маша, когда Инга села поудобнее за столом, поправляя телефон.

Королёва настороже осмотрелась.

— Надо бы им позвонить, — нехорошее предчувствие, словно мрачное облако, засело у нее внутри. Она быстро набрала номер Фроловой, но гудки продолжали звучать до самого конца, а на звонок так никто и не ответил. Она повторила попытку, накапливая у себя в голове тревожные мысли.

— Ты чего такая? — Женя поставила свой чемодан рядом с ней, по-видимому, удивленная недовольством подруги. —

Будто пыльным мешком тебя огрели.

— Кристинка не отвечает, — в очередной раз нажав на вызов, бросила Варя, пытаясь не впадать в панику.

— Так они с Олей должны были вместе приехать. Сейчас я наберу ей, — Дегтярева достала телефон и с надеждой набрала номер подруги. Ответа ждала достаточно долго, кажется целую вечность. — Ну наконец-то! Не дозвонишься вам. Вы где пропали? Скоро вылет! — Услышав ответ, она побледнела, как будто на ее плечи свалился тяжелый груз. — Вы в порядке? — Снова тишина, заставившая подруг насторожиться и ощутить, как дыхание стало тяжёлым.

— Что там? — от волнения спросила Маша.

Женя отмахнулась, сквозь напряжение пытаясь сосредоточиться на ситуации.

— Она сильно пострадала? ...А ты? ... Поняла... — Наконец сбросив вызов, она пояснила, словно пытаясь успокоить свои собственные страхи: — Девчонки в аварию попали. Все живы, но это меня не успокаивает! Кристина с легким сотрясением в больнице, а Оля отделалась легкими ушибами. Сказали, чтобы мы не суетились и летели без них.

— Но как же? Надо к ним! — Градова подхватила свой чемодан.

— Они в порядке, ты все равно ничем им не поможешь. — Послышался голос диспетчера, объявляющий начало посадки на наш рейс. — Идемте! — скомандовала Маша и первой отправилась на регистрацию.

— Все равно это не по-человечески, — бурчала Королёва, глядя на других пассажиров, которые не знали о том, что творилось вокруг.

— Ну хватит уже! — возмутилась Дегтярева, пытаясь привести подругу в чувство. — Что ты хочешь? Билеты сдать и остаться? И что толку? Олю даже в больницу не забирали, но она просто не успевает доехать, Крис осмотрят и домой отпустят. Они сами сказали, чтобы мы без них летели, и важно сохранять спокойствие. Они постараются поменять билеты и прилететь позже.

— Женька права, — поддержала ее Маша, протянув документы сотруднику аэропорта и ловко поставив багаж на ленту, словно придавая своему действию ощущение значимости.

Быстро пройдя регистрацию, они дожидались последнюю девушку, которая как раз подошла к сотруднику, выполняя свои обязанности.

— Даш, мы ждем, — с нетерпением произнесла Женя, переводя взгляд на свою подругу.

Третьякова улыбнулась, но вдруг побледнела, как бы ощущая, что что-то не так.

— Ой... — рука девушки вылезла через боковой прорез в сумке. — Обокрали...

— Что?! — Маша ринулась к ней, но сотрудница аэропорта, словно стена, остановила ее.

— Девушка, проходите, не задерживайте! — подтолкнула

ее вперед, не позволяя терять драгоценное время.

— Но у нас там подруга, — возмутилась она, чувствуя, как недовольство нарастает.

— Не волнуйтесь. Разберемся, — произнесла сотрудница, но ее слова звучали только как пустое обещание. — Проходите.

Оглядываясь с тревогой, подруги проследовали дальше. Но даже когда они заняли свои уютные места в салоне самолета, подруга не появилась, не было её и в тот момент, когда самолет наконец начал взлетать, словно унося их вдаль от проблем.

— Девушка, — обратилась Женя к стюардессе, стараясь сохранить спокойствие, хотя в душе бушевало беспокойство, — с нами подруга должна была лететь. Она не прошла регистрацию, но тут её нет.

— Одна пассажирка не была допущена на борт. Видимо, её обокрали, как я поняла. А без документов её допустить к вылету мы не могли, — ответила стюардесса, и в ее словах не было прежнего тепла.

— Но как?! — в недоумении и гнев закричала Женя.

— Успокойтесь. Ей вернут деньги или она улетит другим рейсом, не переживайте.

— И что делать теперь? Одну с работы не отпустили, двое в аварию попали, третью обокрали, и не пустили. В итоге троим летим, как будто это шутка! — сердито произнесла Маша, ощутив, как мечты об их совместном отдыхе тают в

воздухе.

— Н-да... — прищелкнула Даша, как бы выражая общее недовольство. — Встретили новый год ...

Самолет уже прилично набрал высоту, как будто унося их от проблем и беспокойств земной жизни. Город скрылся за облаками, и лишь тишина внутри самолета свидетельствовала о том, что история подруг в этот момент только начиналась... Впереди их ждали новые события, полные эмоций и неожиданностей.

Глава 1

Геральд фон Деверс

— И почему я должен с этим возиться?! — не скрывая своего недоумения, громко воскликнул я, оправив меховую оторочку своего теплого и уютного пальто. — Можно подумать, во всем королевстве слуг мало! Их, можно сказать, немало, это абсолютно точно!

Вильям лишь усмехнулся, слушая мои искренние возмущения, видимо, отмечая, как мои страдания комично выглядят на фоне текущих обстоятельств.

— А то ты сам не понимаешь?! — отозвался друг. — Дело-то непростое. Не каждый день у нас непонятные махины из ниоткуда падают, словно звезды с небес.

— Начнем с того, что не «из ниоткуда», — фыркнул я с легкой усмешкой на лице. — Все прекрасно знают, что этому предшествовало, что тоже не является секретом. Только все предпочитают помалкивать, как будто это не касается их самих. Но я, как истинный благородный граф, молчать не собираюсь!

— Т-с-с-с! — шикнул на меня Терведсон. — Еще не хватало, чтобы нас полисмены услышали. Да и Его Величество здесь, как-никак, что тоже нужно учитывать.

— И что теперь? Можно подумать, я просил их об этом!

— с легкой досадой произнес я, голос явно выдавал внутренне недовольство.

— Да чего ты возмущаешься? Радоваться надо! Тебе истинную искать не надо. Вот она, сама к тебе с неба свалилась. Хотя, поискать всё же немного придется, — рассмеялся Вильям, искренне веря в то, что всё именно так и будет.

— Тебе весело? А вдруг она страшнее жабы болотной окажется? — с некоторой настороженностью добавил я дегтя в его бурлящий оптимизм, увидев, как друг начинает развлекаться над моими проблемами.

— Знать судьба у тебя такая, — с легким подмигиванием продолжил измываться друг, наслаждаясь каждой минутой беседы.

— Ха-ха-ха! — передразнил его, безумно устав от самой мысли о таком исходе. — Очень смешно, друг мой. Смотри, как бы твоя чучелом не оказалась тебе в назидание!

— А если серьезно, — наконец, Вильям перестал смеяться, вот именно тогда в его голосе прозвучали очень важные ноты, — какими бы ни были наши истинные, это на самом деле великий дар богов, которые в нашем мире, как ты понимаешь, крайняя редкость. За него, между прочим, благодарить нужно, а не нос воротить, вот что я тебе скажу!

— Тоже мне философ отыскался! — покачал я, с легким сарказмом, головой, осознавая, что иногда у нас с другом разные взгляды, но это не мешает оставаться хорошими друзьями.

Я отодвинул занавеску на окне кареты и выглянул на улицу, где вперемешку с белизной зимы чернел густой лес. Вокруг бурлил и искрился белый пушистый снег, покрывающий землю словно шуба из искрящихся звезд. Дальше дороги, увы, не было. Неподалеку уже стояло около дюжины дорогих экипажей, великолепно запряженных холеными лошадьми, которые аккуратно и с достоинством ожидали своих хозяев. Слуги накидывали на них пончо, чтобы животные могли отдохнуть после быстрой и утомительной езды, что само по себе было признаком доброты и заботы.

— Смотри-ка сколько уже приехало желающих, — Вильям кивнул на ряд карет, с легкой улыбкой на лице. — И нам бы поторопиться стоит, а то сейчас без разбору всех прихватят, и мы останемся без красавиц.

— Если тебе так хочется, можешь мою себе забрать, — невесело сказал в ответ, а затем, не раздумывая, открыл дверцы кареты, чтобы выйти на мороз. Холодный воздух тут же ворвался внутрь, словно ледяное дыхание зимы. — Ну и чего сидишь? — поторопил я друга. — Беги себе женушку выбирать, как все порядочные мужчины!

— Вот и побегу, — Вильям первым вылез на улицу, готовясь к предстоящему. — А ты так и останешься холостяком, грузом на плечах друзей!

— Лучше уж холостяком, чем жениться на первой встречной, — буркнул я. Покидая карету вслед за другом, вновь обратил свой взор вокруг. — И куда нам теперь, интересно,

следовать?

В этот самый момент, завидев нас издалека, к нам обернулись пара полисменов, настороженные и цепкие как собаки на охоте. Один из них торопливо зашагал в нашу сторону.

— Представьтесь, — деловым приказным тоном произнес полисмен, открыв темную папку с каким-то длинным списком.

— Граф Геральд фон Деверс и князь Вильям Терведсон, — уверенно представил я себя и своего друга.

Служивый быстро нашел наши имена и поставил напротив них галочки, словно подтверждая нашу личность.

— Там тропинка в глубь леса, — указал он направление, явно реализуя свои обязанности. — Идите туда, никуда не сворачиваете, не сбивайтесь с курса! На всем пути стоят полисмены, так что не заплутаете, уверяю вас. Остальное вам объяснят на месте.

Мы проследили за рукой служивого, заметив за деревьями прозрачный мерцающий купол.

— А это еще зачем? — все же с любопытством спросил Вильям, невольно обращая свое внимание на странности происходящего вокруг.

— Для безопасности и защиты прибывших. Зима все-таки, — коротко пояснил полисмен, делая акцент на важности своих слов. — Так что вам лучше поторопиться, невзирая на все обстоятельства. Всех прибывших, кого не увезут, через два часа доставят в замок Его Величества.

— Тогда нам и правда стоит поспешить, — согласился с ним князь, настоятельно подгоняя себя и за одно меня.

Снег хрустел под обувью от каждого шага, что создавало своеобразную симфонию зимы. Холодный пронизывающий ветер так и норовил забраться под пальто, словно ища убежище. Даже теплый мех внутреннего подкладки не спасал от зимней стужи. Заметил, как Вильям поежился, глядя на меня.

— И как тебе не холодно, дружище? — спросил он с легкой завистью и недоумением.

— У драконов кровь намного горячее, чем у простых магов, — не раздумывая, ответил я. — Мне и без верхней одежды не замерзнуть, учитывая всю мою натуру.

— Везёт все-таки вам, — буркнул князь, поднимая меховой ворот едва ли не до самого носа, стараясь максимально защитить себя от холода.

Чем дальше мы уходили по протоптанной в снегу тропе, тем гуще становился лес, будто природа относилась к нам с удивительной настороженностью. Через каждый десяток метров на пути встречались полисмены и солдаты, серьезные и решительные. Наконец, из-за деревьев показался магический купол, рядом с которым дежурили придворные маги, охраняя это место от недобрых умыслов.

Стоило нам подойти, как они распахнули перед нами вход. Внутри купола было безветренно и даже тепло, словно это было истинное укрытие от зимней стужи.

— Хвала богам за этот подарок небес! — довольно произнес Вильям, приминяя теплый воротник своего пальто. — Ну что, друг, желаю найти тебе твою единственную и неповторимую, и пусть она не будет жабой, — весело хохотнул Терведсон, заразившись оптимизмом.

— Шут! — с улыбкой бросил ему в ответ, отпуская свои волнения и направляясь к толпе впереди.

Перед нами толпилась личная стража Его Величества, окружив монарха, словно верные псы.

— Приветствует вас, Ваше Величество! — подойдя вплотную, мы выказали свое уважение королю, не забыв поклониться.

— Рад видеть вас здесь, — ответил правитель, осматривая нас, и добавил уже страже: — Пропустите их, не задерживайте.

Плотная цепочка служивых расступилась, и перед нами открылась довольно странная картина: на снегу были разбросаны обломки чего-то металлического. Где-то что-то горело, издавая едкий дым, и на снегу лежали и сидели люди — мужчины, женщины. Все они были одеты в чуждые для этих земель одежды, указывая на явные доказательства того, что они прибыли издалека. Среди них прохаживались представители знатных семей Остерферда, ища свою судьбу.

— Ну что ж вы встали, как вкопанные? Не теряйте напрасну время, господа, — произнес король с легким недовольством, указывая на обломки и людей рядом с ними. —

Ваша судьба в ваших руках, помните об этом!

Вильям первый с оглушительным энтузиазмом ринулся к металлическим обломкам. Глядя на его невероятный энтузиазм, я нехотя и с безразличием поплёлся за ним, мысленно ругая всё и всех вокруг, за то, что оказался здесь, в этой ситуации. Что я вообще тут делаю? Бросая мимолетные, но настойчивые взгляды на ничего непонимающих людей, которые явно были в замешательстве, я даже и не старался найти ту, что предназначена мне богами. Мысли ускользнули куда-то далеко, пока вдруг в нос не ударил резкий и настойчивый цветочный запах. Он ворвался так неожиданно в морозную свежесть, что едва не сбил меня с ног. Легкие заполнило этим ароматом без остатка, мешая дышать спокойно. Захотелось хорошенько прочихаться, чтобы избавиться от этого назойливого аромата.

Сознание немного поплыло, а дракон напротив, словно прежде дремавший, оживился с неимоверной энергией. Я буквально кожей ощущал его нетерпение и напряжение. Он рвался наружу, желая скорее найти предназначавшуюся ему «добычу». Однако, я с ним был категорически не согласен, и ни за что не хотел его отпускать.

Осмотрелся, сделав это куда внимательнее и сосредоточеннее, чем прежде. Неподалеку, на снегу, который тихо кружился в воздухе, сидел молодой мужчина, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону, будто умалишенный. Вблизи от него лежала грузная женщина пре-

клонного возраста, постанывая и побряхтывая при каждом вздохе, как будто испытывая невыносимую боль. А самое главное, что цветочный аромат, резко бьющий по носу, шёл именно с той стороны, где она находилась.

Нет! Ну нет же! Верить в то, что эти полторы сотни килограмм «преклонного счастья» достались именно мне, совсем не хотелось. Не может же мне так сильно «повезти». Я, конечно, всегда знал, что боги благоволят мне по полной, но, чтобы до такой степени поиздеваться надо мной, это нужно быть совершенно бессердечным и чёрствым.

Видимо, я слишком долго простоял истуканом на одном месте, погруженный в свои печальные мысли. Заметив моё замешательство, рядом появился взбудораженный друг, с широко распахнутыми глазами.

— Неужели нашёл? — восторженно спросил он, проследив за моим напряженным взглядом. Увидев моё «счастье», Терведсон просто присвистнул. — Да-а-а, Геральд... Крупно же тебе повезло, не так ли?

Адекватно мыслить удавалось с огромным трудом. Лишь сдержано рыкнул в ответ, но и этого оказалось достаточно, чтобы шуточки друга, как ни старались, смолкли. Хотелось развернуться, бросить всё и уйти. Усилием воли сделал шаг навстречу судьбе, затем другой. Я уже был практически около женщины, но от неё, к моему великому счастью, пахло лишь страхом и какими-то лечебными травами, которые не смогли скрыть её бедственное положение. Она приоткрыла

глаза, и, увидев меня, сильнее прижалась к обломку металла, словно тот вдруг мог защитить её от всего мира.

От того, что цветочный аромат исходит не от неё, по сердцу разлилась радость, словно лучик солнца пробился сквозь завесу тучи. Вновь осмотрелся, ищущим взором прощупывая пространство вокруг. Поблизости не было больше никого, что вызывало лёгкую тревогу.

— Странно... — задумчиво произнес в морозную пустоту, не находя ответа на свои собственные вопросы.

Друг тут же оказался рядом, как всегда, с его неповторимым задором.

— Жаль, что это не она, — вновь потеряв чувство самосохранения, пошутил этот смертник-весельчак. Я снова предупредительно рыкнул на него, сдерживая раздражение. — Да ладно тебе, Геральд! Даже пошутить нельзя. Нужно проще ко всему относиться, как по мне.

— Вильям, мне кажется или ты тоже собирался искать истинную, а не просто развлекаться?

— А я и ищу. Вот только одним глазком быстро гляну на твою. Видишь, как я за тебя переживаю. Больше чем за самого себя волнуюсь, поверь!

— Ты б за себя волновался. Будет жужжать у меня под ухом — голову откушу, — предупредил друга, не без юмора.

— Ты как всегда сама любезность и умиротворение. Лучше давай скорее ищи, — настойчиво предложил он, излучая оптимизм.

— Нет тут больше никого. Может, мне просто показалось... — промолвил я неуверенно, ощущая на себе его взгляд.

— Шутишь?! Ты дракон! Как может тебе показаться, я этого просто не могу понять. Это я ещё ошибиться могу. В отличие от драконов, магам только на артефакт приходится полагаться. А у вас природная чуйка. Зверь не может ошибиться!

— Я, к твоему сведению, ещё истиной не встречал, — недовольно ответил Вильяму, чувствуя, как во мне зреет беспокойство. — Мог этот запах и с чем-то другим спутать, не стоит забывать об этом.

— Как же! Так и скажи, что всячески пытаешься увернуться от поисков.

— Не без этого, — признал я, подавляя в себе растущее разочарование.

— Вот поэтому я и подожду, пока ты её найдешь. А потом и сам за поиски примусь, да-да!

— Р-р-р-р-р... — прошипел я, ощущая себя как никогда напряженно.

— И не рычи! У меня на твоё рычание за столько лет уже иммунитет выработался.

— А на зубы? Когда-нибудь сожру тебя, так и знай!

— Не сожрёшь, — рассмеялся друг, излучая непринуждённость. — Иначе кто ещё тебя терпеть будет, хе-хе!

— Ну так я ж истинную сейчас найду. Вот она и будет, —

парировал в ответ, отталкивая от себя мысли о неудачном исходе.

— Что? Истинная? Уверяю тебя, Геральд, что даже она тебя долго не вынесет. Думаю, бедняжка прийдёт тебя ещё до свадьбы, не сомневаюсь, — не унимался балагур с веселыми огоньками в глазах.

— Сгинь уже с глаз моих долой! — с выдохом произнес я, осознавая всю иронию этой ситуации.

— И не подумаю, — фыркнул друг с отголосками веселья. — А ты ищи лучше, — командовал он с энтузиазмом. — Вон там, за обломком, посмотри, и вдруг повезёт!

Я тяжело вздохнул, переводя взгляд с Вильяма на обломки. Интересно, что там может скрываться? Быть может, это просто очередная иллюзия, играющаяся в моём сознании под воздействием сильного запаха? Однако, не став дожидаться ответа, я шагнул вперед, обходя тяжёлую конструкцию.

В окружении разбросанных металлических обломков я увидел девушку. Она сидела в узком кресле с высокой спинкой, склонив голову к плечу, — спала мирно и спокойно, словно находилась в собственной постели. Одета незнакомка была так же необычно, как и остальные чужестранцы. Серые с глянцевым блеском брюки плотно обтягивали ножки, подчёркивая их длину и стройность. Довольно тёплая кофта приглушённого малинового цвета слегка поддурманивала своим отсветом необыкновенно белую кожу лица. Длинные

светлые выющиеся волосы беспорядочно лежали на плечах, свисали на грудь. Мне захотелось отвести их, чтобы не мешали любоваться своей истинной.

Это она! Я ничуть не сомневался. Цветочный аромат, который привёл меня сюда, утратил свою резкость, зато приобрёл нежность и манкость. Он дарил покой и делал меня счастливым. Мой дракон довольно урчал, что ещё раз подтверждало — я у цели. Он торопил меня, призывая хватать и поскорее уносить добычу. Я же не спешил, любовался прекрасной незнакомкой. Прежняя уверенность в том, что мне проще и удобнее жить одному, постепенно таяла. Наверное, присутствие в доме такого восхитительного и нежного цветка подарит мне много часов блаженства и превратит всем известного графа-сухаря в счастливейшего из драконов нашего мира.

Наслаждаясь волшебной минутой, я совершенно выпал из реальности. Я не слышал многоголосного шума, не чувствовал дуновений ветра, не помнил о необходимости поскорее доставить свою истинную домой. Верный друг что-то кричал мне в ухо — наверняка упражнялся в остроумии, — похлопывал по спине, тряс за плечи, но, так и не добившись реакции, отправился искать свою пару.

Белокурая незнакомка глубоко вздохнула во сне и пошевелилась. Ей мешали широкие ремни из странного материала, которые прочно удерживали её тело в кресле. Меня осенило: девушке трудно дышать! Не раздумывая, я выхватил

из прикреплённых к поясу ножен острый кинжал и не без усилий рассёк мешающие моей истинной путы. Она сразу же стала клониться на бок и едва не упала в снег. Одной рукой пряча нож, свободной я придержал девушку, потом обошёл её, чтобы схватиться поудобнее, и поднял.

Дракон одобрительно рыкнул и попытался взять верх. Понятно, что путь домой по воздуху займёт куда меньше времени, чем в карете, но не для того король пригласил меня к месту чудесного появления чужестранцев, чтобы напугать их видом огромного летающего ящера.

— Ух! А я уж подумал, что ты собираешься прикончить красавицу, даже не познакомившись с ней, — слышалось у меня за спиной.

Я оглянулся и увидел Вильяма. Он держал на руках спящую молоденькую девушку и казался почти серьёзным.

— Ты быстро, — удивился я.

Друг отрицательно покачал головой:

— Это ты долго, Геральд. Полисмены, между прочим, то-ропят, никто не позволит нам торчать тут вечно. Будет лучше, если найденные девушки очнутся в домашней обстановке, а не среди заснеженного леса. Уют и тепло позволят им скорее смириться с неизбежным.

Я не стал отвечать, первым направился к тропе, старательно перешагивая через металлические обломки, разбросанные чемоданы и сумки, обходя крупные конструкции. Под ноги то и дело попадались какие-то хрупкие мелкие вещи,

рассматривать их времени да и желания не было, хотя идущий следом за мной Терведсон успевал кое-что рассмотреть и даже строил предположения, для чего могла служить та или иная вещь.

— Ого! Глянь-ка, граф! Похоже на пенсне, но только к нему приделаны две крошечные кочерги, это, наверное, чтобы цеплять за уши. Вот смех!

— Зато не упадут, — заметил я, покосившись в указанном направлении.

— Возможно, ты прав, — согласился друг. — Жалко, что нам запретили забирать чужие вещи с собой.

— Их будут изучать. Радуйся приобретению и не требуй большего. Истинную раздобыл, хватит с тебя.

— Вижу, ты доволен своей находкой, Геральд! А как сопротивлялся! — Вильям не был бы Вильямом, если бы не всадил мне в спину хотя бы парочку колючих фраз. — Мне чуть не силой пришлось тянуть тебя к счастью.

— Ждёшь благодарности? — усмехнулся я. — Что-то рано. Сам говорил, что даже истинная не вытерпит мой нрав.

Князь ответить не успел, его отвлѣк полисмен, вежливо попросивший как можно скорее покинуть место катастрофы. Мол, начальством велено не устраивать здесь толкучку.

Мы ускорили шаг и вскоре уселись в экипаж.

— Как думаешь, стоит разбудить? — шѣпотом спросил Вильям, когда карета тронулась.

Он бережно обнимал свою девушку, мирно спящую на его

груди. Я покосился на свою, не удержался и отвёл с её лица белокурый локон. Ответил:

— Сам говорил, что будет лучше, если они очнутся в домашней обстановке.

— Ох, — вздохнул Терведсон, — не терпится услышать её нежный голосок.

— Пусть боги пошлют ей генеральский бас, — хохотнул я, — тебе нужен командир, дружище. Может, тогда ты прекратишь паясничать.

Вильям вдруг обиделся, что ему было совсем не свойственно. Всю оставшуюся дорогу до его родового замка молчал и даже вышел не попрощавшись. После этого карета свернула на дорогу, ведущую к моему поместью. Оставшись наедине с незнакомкой, я испытал то же чувство, о котором говорил друг. Очень хотелось разбудить девушку. Я даже легонько потерябил её, чем обрадовал дракона, которому не терпелось познакомиться с истинной. К счастью, мы уже подъехали к воротам.

Как только я покинул экипаж и пошагал с девушкой на руках к дому, она очнулась.

О боги! За что вы так со мной?

Блондинка мало того что сразу же раскричалась, как базарная торговка, у которой стянули дневную выручку, так ещё и принялась дубасить меня своими крошечными, изящными кулачками.

Всё понятно, истинная послана мне вовсе не для счастья,

а в наказание!

Истеричка! Хамка! Скандалистка!

Я не сомневался, что девушка ощущает нашу связь и предназначение. Это приметы истинности. При этом она ведёт себя так, словно её к чему-то принуждают.

Встретившие меня слуги с большим трудом скрывали своё изумление. Кого я приволок в свой спокойный и скучный дом?

Точно — наказание.

Увы, избавиться я от него не мог. А тут ещё дракон пришёл в неопиcуемый восторг от ярости и страсти, с которыми хрупкая девица воевала с очень сильным мужчиной.

Глава 2

Евгения Игоревна Дегтярева

С самого начала всё пошло не так! Как будто сама судьба отводила нас от исполнения мечты о чудесном отдыхе на берегу тёплого моря. Дружная и весёлая наша компания, наметившая встретить Новый год вместе, стала разваливаться, словно сломавшийся на вираже гоночный автомобиль. Одну подругу босс не отпустил, дав ей срочное поручение, две другие угодили в ДТП уже по дороге в аэропорт, а Дашку, и вовсе обокрали на подходе к стойке регистрации на рейс. Казалось бы, девочкам не повезло, а мы с Градовой и Королёвой — самые настоящие счастливицы, потому что сумели преодолеть всё и отправиться в полёт. На деле же...

Сколько я ни пыталась вспомнить, что произошло, так и не смогла. Очнулась в зимнем лесу на руках у незнакомца. Этот странный чел, одетый в меховую накидку, явно украденную из сокровенных запасов киностудии, волок меня с таким недовольным видом, что будь у меня способность соображать, я бы стала прощаться с жизнью.

Главное, совершенно непонятно: где самолёт? Куда подевались остальные пассажиры и...

— Лера! Варя! — заорала я, пытаюсь высвободиться.

Моему похитителю это не понравилось.

— Очнулась? — хмуро констатировал он. — Крепкая, значит.

— Пустите! Пустите меня сейчас же! Что вы сделали с моими подругами? Где Градова? Куда подевалась Королёва?

— Тс-с-с... — недовольно зашипел мужчина. — Не дёргайся так, а то я уроню тебя в снег.

— Верните меня в самолёт! Где он? Это аварийная посадка? Почему кругом сугробы? Девочки не пострадали?

Град моих вопросов вызвал у носильщика такое выражение лица, будто ему сообщили, что придётся вырвать все зубы. Однако он соблаговолил ответить, хотя и не спустил меня на землю:

— С ними всё в порядке. Не надо кричать, немного осталось.

До чего? Немного осталось до чего?

Понятно, что я не поверила этому странному типу. Если случилась незапланированная посадка или авария, в которой кто-то выжил, нас всех наверняка держали бы вместе. Я много раз слышала, что в таких случаях с пассажирами работают психологи, их осматривают доктора. Как могло случиться, что меня одну волокут неизвестно куда и ничего при этом не объясняют!

Да ещё этот мужик чем-то недоволен!

Надо признать, что он симпатичный, хоть и сердитый. И мощный! Несёт дёргающиеся пятьдесят пять килограммов без всяких усилий.

Э-э-э... Это я поторопилась с оценками. Персонажу надоели мои взбрыкивания, и он хорошенько меня встряхнул, вероятно, надеясь таким образом успокоить. Ага! Щас! Перепугавшись, что теперь я точно не найду дорогу к месту посадки самолёта, я принялась осыпать красавчика ударами, причём особо не примеривалась — попадала кулаками в самые неожиданные места. Чего в результате добилась?

Ничего хорошего — меня перекинули через плечо, как мешок картошки, перехватили ручищами под коленки и поперёк туловища и ускорили шаг. Только снег похрустывал под подошвами.

Теперь ещё и не видно ничего, кроме глубоких следов на пушистом белом покрывале. Я снова задёргалась и завывала, как обиженная собачонка, которую хозяева, уехав в отпуск, забыли дома.

Отдохнула в тёплых краях с подругами, ничего не скажешь!

Смириться с отведённой мне ролью жертвенного агнца — если судить по тому, как со мной обращались, — я, разумеется, не могла, поэтому продолжала дрыгать ногами. Колотить противного типа по могучей спине было бесполезно, и не только потому, что её защищал довольно толстый меховой плащ. У меня сложилось устойчивое впечатление, что мои тычки незнакомец вообще не чувствовал.

Может быть, это робот? Я попала в места, где технологии скакнули в далёкое будущее? Эта мысль заставила меня оце-

нить обстановку, хотя бы попробовать.

Я упёрлась ладонями в... Хм... В то место, что у мужчины находилось чуть ниже спины, прогнулась и задрала голову, насколько это было возможно.

Упс... Предположение насчёт будущего подтверждения не получило. Наоборот! Я увидела аллею заснеженного парка, площадку перед коваными воротами, отъезжающую, запряжённую лошадьми карету.

Наверное, здесь снимают исторический фильм. Или реалити-шоу. Одно непонятно, при чём тут я и мои подруги? Ни одну из нас даже с большой натяжкой нельзя назвать избалованной мажоркой!

Ошибочка вышла, граждане-воспитатели!

Додумать гениальную мысль не удалось. Я почувствовала, что носильщик стал подниматься по ступеням.

Точно! Широкие какие... Мраморные, кажется. Ничего себе заморочились киношники! Похоже, старинный особняк арендовали.

Я изогнулась, чтобы посмотреть вперёд, и увидела двух кланяющихся, наряженных в ливреи парней. Они синхронно шагнули к очень эффектной двустворчатой двери, снова поклонились и распахнули её перед нами.

— А-а-а-а! Помогите! — снова заорала я, ещё не теряя надежды, что в этом сумасшедшем доме найдётся хоть один адекватный человек.

Одним ловким движением молчаливый и чем-то ужасно

недовольный товарищ перевёл меня в первоначальное положение «на ручках», прямо-таки подбросив меня, словно циркач. Неприязни он даже не пытался скрывать, а я, между прочим, не просила его меня таскать, так что...

— Какие будут указания, Ваша милость? — робко поинтересовалась зятая в серое, длинное до пола платье немолодая женщина.

— Вызовите полицию! — взмолилась я, предприняв новую попытку вывернуться из хватки. — Меня похитили! Я гражданка России! Здесь есть консульство?

— Мне досталась истеричка, — печально вздохнув, констатировал мужик. Он повёл плечами, меховая накидка соскользнула, но не упала, её услужливо подхватили чьи-то руки. Свернув направо и уверенно шагая через холл, мой похититель спросил у спешащей за ним дамы: — Так, Урсула, надеюсь, комнату для нашей гостьи прислуга успела подготовить?

— Все отданные указания исполнены, Ваша милость! — Тётка говорила ласково, но её напряжённое лицо и взгляды, то и дело бросаемые на меня, совершенно не соответствовали тону.

Всё понятно. Мои мольбы и слёзы никому не интересны. Одно утешает. Меня обозвали гостьей, а не рабыней, или чем похуже. Хотя, что может быть хуже?

Мы... Ну как мы? Этот жуткий красавчик со мной на руках свернул в коридор и остановился перед украшенной за-

мысловатым орнаментом дверью. Кивнув расторопному слуге, «Их милость» дождался, когда тот распахнёт дверь, перешагнул через порог и спустил меня на пол. Наконец-то!

Рано я обрадовалась. Только и успела одёрнуть задравшуюся шерстяную кофточку, как мужчина вернулся в коридор, и передо мной оказалась закрытая дверь.

— Эй! — закричала я сипло, наверное, сорвала голос на холоде. — Не смейте меня запирать!

Подёргала за ручку, потом прижалась ухом к щели. Успела расслышать приказ не выпускать «гостью», пока она не успокоится.

Так! Нужно срочно обращаться за помощью! Хорошо, что меня не обыскали. Я пошарила по карманам и вытащила мобильный телефон. В самолёте ставила в авиарежим, но сейчас можно будет...

Ай! Сеть не ловит. Вот ужас-то! Куда меня притащили? Какое-то захолустье!

Комната, в которую меня заперли, оказалась не камерой-одиночкой, а настоящими апартаментами. Если бы не обстоятельства, я бы, наверное, даже присвистнула от восхищения. Высокий потолок с лепниной, огромная кровать с балдахином из струящегося шелка, камин, в котором весело потрескивали поленья, наполняя воздух запахом древесины и теплом. На столе стоял серебряный кувшин и тарелка с фруктами, выглядящими на удивление свежо для зимы. Все это кричало о богатстве и вкусе, но одновременно и о ка-

кой-то старине, несовместимой с реальностью. Ни тебе розеток, ни выключателей, только свечи в массивных канделябрах и масляные лампы.

Первые несколько минут я просто стояла посреди комнаты, трясаясь от холода, обиды и дикого страха. Гражданин «Ваша милость»! Граф! Да он самый настоящий маньяк, похититель, который возомнил себя владельцем всего живого! А эта Урсула с ее подобострастным «все указания исполнены» — его верная сообщница.

Мысль о том, что Лера и Варя могут быть где-то рядом, в аналогичных «роскошных застенках», заставила меня действовать. Сидеть и ждать, пока со мной сделают что-то ужасное, я не собиралась.

Я подбежала к двери и снова попыталась ее открыть. Напрасно. Массивная деревянная плита с железными филенками не поддавалась ни на миллиметр. Я приложила ухо, затавив дыхание. Снаружи доносилось ровное, размеренное дыхание. Кто-то стоял на посту. Значит, этот путь отпадал.

Окно. Нужно было проверить окно.

Я бросилась к огромному арочному окну, затянутому морозными узорами. Протерла стекло ладонью и ахнула. Вид открывался потрясающий: заснеженный парк, уходящий вдаль, подсвеченный лунным светом, и... головокружительная высота. Мое сердце ушло в пятки, а в горле запершило знакомым, тошнотворным комком страха. Высота была моей ахиллесовой пятой с детства, с тех пор, как я сорва-

лась с качелей и сломала руку. С тех пор даже стремянка была для меня испытанием.

Этот подоконник находился на уровне... Господи, даже думать страшно. На втором, а то и на третьем этаже. Но альтернативы не было. Сидеть и ждать означало смириться.

Я отошла от окна, стараясь унять дрожь в коленях. «Спокойно, Женька, спокойно, — твердила я себе. — Сейчас главное — план». Осмотр комнаты дал немногое. Простыни с кровати слишком короткие и непрочные, чтобы сплести из них что-то вроде веревки. Шторы тяжелые, бархатные, но прикреплены к карнизу намертво. В шкафу висели платья, явно не моего размера и фасона, из какой-то старинной коллекции. Ничего полезного.

Тогда мой взгляд упал на камин. Идея! Я схватила с кресла небольшую декоративную подушку и сунула ее в огонь. Ткань быстро занялась пламенем. Дым потянулся к потолку. План был простой и отчаянный: поднять панику, заставить их открыть дверь. Когда все сбегутся тушить пожар, я попробую проскользнуть и найти выход.

Бросила горящую подушку на каменный пол подальше от ковра и отошла к двери, готовясь к броску. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Я слышала, как снаружи забеспокоился часовой или кто там меня караулил. Послышались шаги, приглушенные голоса.

Но то, что произошло дальше, повергло меня в ступор. Дверь не распахнулась. Вместо этого в комнате... зазвучала

музыка. Тихая, мелодичная, как будто откуда-то из стен. И одновременно я почувствовала странную вибрацию в воздухе. Мой скромный «пожар» вдруг погас, будто его и не было. Не потух, а именно исчез, растворился в воздухе вместе с дымом, не оставив ни уголька, ни запаха гари. От подушки не осталось и следа.

Это что еще за чертовщина?! Магия какая-то. Это слово прозвучало в моей голове с пугающей ясностью. Это не кино и не розыгрыш. Здесь правда есть магия. И эта магия работает против меня.

Что-то отчаяние, холодное и липкое, стало подбираться к горлу. Я бессильно опустилась на пол, прислонившись спиной к двери. Слезы текли по щекам сами собой. Где я? Что со мной хотят сделать? И где мои девочки?

Посидев так неизвестно сколько, я заставила себя встать. Слезами горю не поможешь. Нужно было попробовать окно. Высота — это ужасно, но возможно, снаружи есть карниз, водосточная труба, что угодно! Надо хотя бы посмотреть.

С новыми силами, подпитанными отчаянием, я снова подошла к окну. Оно было огромным, с тяжелой рамой и замысловатой фурнитурой. Я долго возилась с задвижками, которые поддались не без труда, и наконец распахнула створку внутрь. В комнату ворвался ледяной воздух, заставляя меня поежиться.

Наклонившись, я осторожно выглянула. Сердце замерло. Внизу уходила в темноту стена, гладкая, без всяких вы-

ступов. Но прямо под окном, примерно в полуметре ниже, проходил довольно широкий каменный карниз. Он тянулся вдоль всего фасада, насколько хватало глаз. Справа от меня, метрах в пяти, он прерывался углом здания, а слева уходил в темноту. До следующего окна было далековато, но сам карниз казался надежным.

Мысль была безумной. Идти по этому карнизу, добраться до угла здания и посмотреть, что там. Может, там будет труба, по которой можно спуститься? Или хотя бы другое окно, возможно, не запертое.

Страх высоты сдавил мне горло, затуманил зрение. Ноги стали ватными. «Не могу, — шептала я сама себе. — Я не могу». Но воспоминание о холодном взгляде графа и его фразе «мне досталась истеричка» зажгло во мне новую волну злости. Я докажу этому зазнайке, что я не истеричка! Я боец!

Стиснув зубы, я перекинула ногу через подоконник. Камень карниза был ледяным даже сквозь ткань брюк. Держась обеими руками за раму, я перенесла вторую ногу и медленно, очень медленно выпрямилась, прижимаясь спиной к холодной стене. Ветер трепал мои волосы, и я закрыла глаза, пытаюсь побороть головокружение. «Не смотреть вниз, — командовала я себе. — Смотреть только перед собой, на стену».

Сделав несколько глубоких вдохов, я попыталась сделать первый шаг влево, туда, где карниз уходил в темноту. Но ноги не слушались. Они будто вросли в камень. Я могла только стоять, вжавшись в стену, с бешено колотящимся сердцем.

Весь мой боевой настрой испарился, сменившись животным, всепоглощающим ужасом. Я застыла. Буквально. Казалось, прошла целая вечность. Я не могла ни двинуться с места, ни крикнуть, ни даже пошевелить пальцем. Я была парализована страхом, став живым памятником собственной глупости.

Именно в этот момент я услышала за спиной спокойный, раздражающе знакомый голос.

— Надеюсь, вид с высоты птичьего полета оправдывает твои ожидания?

Я не смогла даже повернуть голову. Из горла вырвался лишь жалкий, задыхающийся звук.

Мужчина стоял в распахнутом окне комнаты. Он был без своей меховой накидки, в простой темной рубашке, и выглядел... нет, не злым. Скорее, усталым и крайне раздраженным.

— Хотя, судя по твоему виду, не особо, — сухо добавил он.

— У... у-у-йди... — просипела я, чувствуя, как слезы снова подступают. На этот раз от унижения и бессилия.

Он вздохнул, и этот вздох был полон такого нескрываемой обреченности, будто ему пришлось разгрести последствия чьего-то грандиозного идиотизма.

— Знаешь, — произнес он, скрестив руки на груди и облокотившись о косяк, словно собирался вести неторопливую беседу, — большинство людей, оказавшись в незнакомом месте, стараются сначала все выяснить. Узнать, где они,

что происходит. А уже потом планируют побег. Но ты, я смотрю, человек действия.

— Отстань! — выдавила я, чувствуя, как от страха и холода у меня начинают стучать зубы.

— С превеликим удовольствием, — парировал он. — Но, к сожалению, судьба распорядилась иначе. И если ты разобьешься насмерть, у меня будут большие проблемы. Поэтому придется тебя спасать. Опять.

Он произнес это с такой обидной практичностью, будто речь шла о сломанной табуретке, а не о жизни человека.

— Я... я сама... — попыталась я буркнуть, но мысль о том, чтобы оторваться от стены и сделать шаг, вызывала новую волну паники.

— Не сможешь, — констатировал он с убийственной прямотой. — Ты боишься высоты. Это видно за версту. Так что хватит геройствовать.

Он сделал шаг на карниз. И тут произошло то, что заставило меня забыть о страхе высоты на пару секунд. Он шел по этому узкому выступу так, будто это был паркетный пол в бальном зале. Абсолютно уверенно, не держась ни за что, его руки были спокойно опущены вдоль тела. Он подошел ко мне почти вплотную.

— Ну что, пойдем? — спросил он, глядя на меня сверху вниз. Его глаза, вблизи оказавшиеся цвета темного янтаря, выражали лишь скуку.

Вместо ответа я сжала его рубашку. Вцепилась в нее мерт-

вой хваткой, словно тонущая. Разум отключился, остался только инстинкт — хвататься за ближайшую надежную опору.

— Вот и славно, — пробормотал он.

Одним движением он подхватил меня на руки, так же легко, как и в лесу. Только на этот раз я не сопротивлялась. Я прижалась лицом к его плечу, зажмурив глаза, дрожа крупной дрожью. Было так страшно, что даже его присутствие, враждебное и раздражающее, казалось спасением.

Мужчина так же спокойно прошел по карнизу обратно к окну, шагнул в комнату и поставил меня на пол. Я едва удержала равновесие, ноги были ватными.

— Ну вот, — он отошел от меня, отряхнув рукав. — Представление окончено. В следующий раз, если захочешь подышать воздухом, просто позови служанку. Тебя проводят в сад. Без этих акробатических этюдов.

Я молчала, пытаюсь прийти в себя и ненавидя его всей душой за это спокойствие, за эту насмешку в голосе.

— Кто вы такой? — наконец выдохнула я. — Что вам от меня нужно? Где мои подруги?

Он посмотрел на меня с нескрываемым изумлением.

— Ты серьезно? После всего, что произошло, твой первый вопрос — «кто я»? Мне казалось, это очевидно. Я — твоя судьба. Твоя вторая половина. Твой... истинный.

Я уставилась на него, не понимая ни слова. Он говорил вроде на вполне понятном мне языке, но смысл его фраз был

абсолютно чуждым.

— Что? — только и смогла я выдавить.

— Остерферд, — произнес он, как будто это что-то объясняло. Видя мое непонимание, он тяжело вздохнул, словно учитель, вынужденный объяснять азы нерадивому ученику. — Ты находишься в мире Остерферд. Ты и другие, кто был с тобой в той железной штуке, упали с неба. По древнему пророчеству, падающие звезды — это наши истинные пары. Так что поздравляю. Ты — моя. А я — твой. Навсегда.

Он произнес это с такой простотой, будто сообщал прогноз погоды. А у меня в голове все рухнуло. Мир? Остерферд? Пророчество? Истинные пары? Это был бред. Какой-то жуткий, фантастический бред.

— Вы сумасшедший, — прошептала я, отступая от него. — Вы все здесь сумасшедшие!

Мужчина смотрел на меня, и в его янтарных глазах наконец-то промелькнула какая-то эмоция. Но это была не злость, а что-то похожее на... разочарование.

— Устал я от этих криков и отрицаний, — тихо сказал он, больше себе, чем мне. — Урсула! — позвал он, поворачиваясь к двери.

Экономка появилась в дверях мгновенно, будто ждала за дверью.

— Ваша милость?

— Наша гостья успокоилась. Принеси ей ужин. И больше не оставляй одну. Выдели ей служанку. Чтобы глаз с нее не

спускали.

— Слушаюсь, Ваша милость.

Он кивнул и, не глядя на меня, вышел из комнаты. Дверь закрылась, но на этот раз я услышала, как щелкнул не замок, а всего-навсего задвижка с моей стороны. Маленькая победа, купленная ценой полного поражения.

Я осталась стоять посреди роскошной комнаты, все еще дрожа от пережитого ужаса, с одной единственной, кричащей мыслью в голове: «Навсегда?» Это слово звучало как приговор. Самый страшный приговор в моей жизни. И глядя на запертую, но уже не наглухо, дверь, я понимала, что мой следующий побег должен быть продуман намного, намного лучше. И страх высоты — первое, с чем мне придется научиться справляться в этом сумасшедшем мире.

Глава 3

Евгения Игоревна Дегтярева

Проснулась я от навязчивого чувства, что за мной наблюдают. Открыла один глаз, потом второй. Комната тонула в утренних сумерках, сквозь морозные узоры на окнах пробивался бледный, жидкий свет. И тут я ее увидела. У кровати, застыв в почтительном полупоклоне, стояла девушка лет восемнадцати, одетая в простое серое платье и белоснежный передник. В руках она держала медный таз с дымящейся водой.

— Доброе утро, госпожа, — прошептала она, опускаясь в реверанс, когда наши взгляды встретились. — Меня зовут Лия. Граф приказал ухаживать за вами.

«Приказал». От этого слова в животе все сжалось в комок. Значит, все по-прежнему. Я не гостья, а пленница, просто теперь за мной присматривают более тщательно.

— Где он? — спросила я, и голос мой прозвучал хрипло и чужим после вчерашних слез и криков.

— Его милость ожидает вас к завтраку, в малой столовой, — ответила Лия, ее глаза бегали по полу, словно она боялась поднять их на меня. — Позвольте помочь вам умыться и одеться.

Мысль о том, чтобы надеть одно из тех странных, неудоб-

ных платьев из гардероба, вызывала отторжение. Но и оставаться в своем потертом свитере и брюках, чувствуя себя грязной и несвежей, тоже не хотелось. Вчерашний побег и последующий крах забрали все силы. Сейчас требовалось собраться, а для этого нужна была хоть какая-то видимость нормальности.

— Хорошо, — кивнула я, с трудом выбравшись из-под горы одеял. Пол был холодным, даже сквозь ковер.

Умывание оказалось целым ритуалом. Лия подавала мне мыло, полотенце, расчесывала мои спутанные после бессонной ночи волосы щеткой из жесткой щетины. Потом настал черед одежды. Корсет. Это было орудие пытки. Лия затягивала шнуровку с такой силой, что у меня перехватывало дыхание.

— Можно посвободнее? — взмолилась я, чувствуя, как ребра сходятся где-то у позвоночника.

— Так положено, госпожа, — с испугом прошептала Лия. — Граф приказал соблюдать все правила этикета.

Правила. Этикет. Снова его приказы. Сквозь туман унижения и злости пробивалась леденящая догадка: этот человек, этот граф, не просто похититель. Он будто хозяин целого мира, со своими законами, которые для него абсолютная истина. И я стала частью этой истины, хочу я того или нет.

Наконец, превращенная в тугой, перетянутый сверток в платье цвета бледной розы, я была готова. Лия провела меня по бесконечным коридорам. Дом-замок был огромным и

молчаливым. На стенах висели портреты суровых мужчин и надменных женщин с темными, как у Геральда, глазами. Фон Деверсы, как пояснила мне служанка. Чувствовалось, что по этим коридорам веками ступали ноги, привыкшие к власти.

Малой столовой оказалась комната с низким потолком и огромным камином, в котором плясали огни. За столом, уставленным серебряными блюдами, сидел он. Граф Геральд фон Деверс.

Он был одет в темно-зеленый камзол, подчеркивавший ширину его плеч. Волосы, черные как смоль, были убраны назад, открывая высокий лоб и резкие черты лица. Он читал какую-то бумагу, и на его лице не было ни тени эмоций. Холодный, отстраненный, как мраморная статуя.

Он поднял на меня глаза. Янтарные, пронзительные. В них не было вчерашнего раздражения, только тяжелый, излучающий взгляд, от которого по коже побежали мурашки.

— Садись, — сказал он, не повышая голоса. Это был не приглашение, а констатация факта.

Я медленно подошла к столу и опустилась на стул напротив. Мои руки дрожали, и я сцепила их под столом, чтобы скрыть дрожь.

— Я надеюсь, ты выспалась и пришла в себя, — произнес он, откладывая бумагу. Его голос был ровным, безразличным.

— В себя прийти сложно, когда не понимаешь, где ты и что происходит, — парировала я, стараясь, чтобы мой голос

не дрогнул.

Он вздохнул, словно устав от надоедливости ребенка.

— Я уже говорил. Ты в мире Остерферд. В моем доме. Ты

— моя гостя.

— Гостя, которую запирают в комнате и не выпускают?

— не удержалась я.

На его губах дрогнула едва заметная улыбка. Не добрая.

— Вчерашний инцидент на карнизе доказал, что определенные меры предосторожности необходимы. Для твоей же безопасности.

От его спокойствия закипала кровь. Он говорил со мной свысока, как с неразумным существом, за которым нужен глаз да глаз.

— Где мои подруги? — спросила я, переходя к главному.

— Лера и Варя. Они тоже «гости» кого-то?

Его лицо на мгновение стало непроницаемым.

— Твои спутницы находятся в безопасности. У каждой своя судьба.

— Что это значит? Я хочу их видеть!

— Это невозможно, — отрезал он. — Пока ты не привыкнешь, не поймешь, где оказалась. Сейчас твое присутствие здесь должно оставаться в тайне.

В тайне. От кого? Почему? Миллион вопросов вертелся в голове, но я видела, что он не настроен давать ответы. Он взял с блюда виноград и медленно положил его в рот, его взгляд скользнул по моей фигуре, затянутой в корсет.

— Тебе идет это платье, — заметил он, и в его голосе прозвучала легкая, едва уловимая нотка чего-то... собственного? — Но нужно подобрать украшения. Урсула позаботится об этом.

Меня передернуло. Он обсуждал меня, как вещь, которую нужно правильно оформить.

— Я не хочу твоих украшений! — вырвалось у меня. — Я хочу домой!

Он отпил из серебряного кубка, его глаза сузились.

— Дом, — произнес он тихо. — Твоего дома больше нет. Ты упала с неба, Евгения. Твой прежний мир для тебя потерян. Прими это.

Эти слова прозвучали как приговор. Они вонзились в самое сердце. Но я не позволила себе расплакаться. Нет. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Я ничего не принимаю, — прошептала я. — И никогда не приму.

Завтрак прошел в гнетущем молчании. Мужчина игнорировал мое присутствие, снова углубившись в бумаги. Я сидела, почти не притрагиваясь к еде, чувствуя, как стены этой «малой столовой» медленно, но верно смыкаются вокруг меня. Он был прав в одном — мне нужны были силы. Но не для того, чтобы «привыкнуть», а для того, чтобы найти способ сломать эти стены. Как бы сильно он ни старался меня в них запереть.

Прошло несколько дней. Дни тянулись, однообразные и душные, как болотная тина. Мой мир сузился до роскошной тюрьмы: спальня, смежная с ней ванная комната и маленький внутренний садик, куда меня выводили под присмотром Лии и еще одной служанки «для прогулок». Сад был окружен высокой стеной, увитой плющом, подернутым инеем. Небо над ним казалось куском синего бархата, таким же недоступным, как и свобода.

Геральд появлялся каждый день за завтраком. Наши утренние трапезы стали каким-то изощренным ритуалом пытки. Он был вежлив, холоден и абсолютно непроницаем. Он задавал формальные вопросы: «Хорошо ли ты спала?», «Устраивает ли тебя еда?», «Нужно ли тебе что-нибудь?». На все мои попытки заговорить о чем-то важном — о подругах, о мире, о том, что происходит, — он отвечал уклончиво или просто переводил тему.

Я изнывала от бессилия. Но в этом бессилии зрела новая, жесткая решимость. Если он не хочет говорить, я буду наблюдать. Слушать. Искать слабые места.

Однажды после завтрака, когда он уже собрался уходить, я не выдержала.

— Куда ты идешь? — спросила я, и мой голос прозвучал более резко, чем я планировала.

Он остановился у двери, обернулся. Бровь его поползла

вверх от удивления.

— У меня есть обязанности, Евгения. Поместье не управляет себя само.

— Я хочу посмотреть, — заявила я, поднимаясь со стула. — Я хочу увидеть твой мир. Твой настоящий, а не только эти четыре стены.

Он смерил меня долгим взглядом. В его янтарных глазах читалось явное неодобрение.

— Это небезопасно. И... неприлично для дамы.

— Я не дама, — огрызнулась я. — Я твой пленник. А пленников, как правило, водят на цепи. Так что води.

Его губы снова дрогнули в той же странной, почти невидимой улыбке. Меня бесило, что мои вспышки, кажется, его забавляли.

— Как пожелаешь, — наконец сказал он. — Но только в моем присутствии. И ты будешь делать то, что я скажу.

Сердце екнуло от неожиданной победы. Маленькой, но победы.

Так начались наши «экскурсии». Сначала он показал мне конюшни. Запах лошадей, сена и кожи был таким знакомым, таким земным, что на глаза навернулись предательские слезы. Я вспомнила походы в конно-спортивную школу в детстве. Геральд, заметив мое состояние, ничего не сказал, но его взгляд стал пристальнее.

Он представил меня конюхам как «гостью из дальних краев». Люди кланялись, их взгляды были полны любопытства

и... страха? Не столько передо мной, сколько перед ним. Перед своим графом.

Потом мы пошли на кухню — царство ароматов и суеты. Там пахло свежим хлебом, травами и жареным мясом. Повара и служанки замирали в почтительных поклонах, когда мы проходили. Геральд был здесь не хозяином, а божеством, чей приход останавливал жизнь.

Я наблюдала за ним. Здесь, среди своих владений, он был другим. Не таким надменным, как за завтраком, но и не менее властным. Он отдавал короткие, четкие распоряжения, его слово было законом. И в то же время... он знал по имени старого конюха, расспрашивал о здоровье его внучки. Строгий, но справедливый правитель. Эта грань его характера сбивала меня с толку.

Однажды мы вышли за пределы главного дома. Он повел меня через парк к озеру, скованному тонким льдом. День был ясным и морозным. Дышалось легче, чем в душных комнатах.

— Красиво, — не удержалась я, глядя на искрящийся на солнце снег.

— Да, — коротко согласился он, шагая рядом. Его плечо почти касалось моего. От него исходило тепло, как от печки. Драконья кровь, как она сам пояснил. Я ловила себя на том, что непроизвольно ищу это тепло в промозглom воздухе.

Мы шли молча. Напряжение между нами было почти осязаемым. Это не была вражда. Это было что-то другое. Тя-

желое, странное и непонятное, которое я отчаянно пыталась отрицать.

— Почему ты не отпускаешь меня? — наконец спросила я, нарушая тишину. Вопрос висел в воздухе между нами уже несколько дней.

Он остановился, повернулся ко мне. Его лицо было серьезным.

— Я не могу.

— Почему? Ты граф. У тебя есть власть. Скажи королю, что ошибся. Что я — не та.

— Это не вопрос ошибки, Евгения, — его голос прозвучал устало. — Это вопрос судьбы. Ты моя истинная пара. Это... закон нашего мира. От него нельзя отказаться.

— А если я не хочу твоей судьбы? — прошептала я, поднимая на него глаза. — Если я хочу свою?

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то сложное, почти болезненное. Он шагнул ко мне ближе. Так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло и легкий, пряный запах дыма, кожи и чего-то дикого, незнакомо-го.

— Ты думаешь, я хочу этого? — тихо произнес он. Его дыхание коснулось моего лба. — Ты думаешь, мне нужна женщина, которая смотрит на меня с ненавистью и страхом? Которая мечтает сбежать?

Мое сердце заколотилось как сумасшедшее. Ненависть? Да. Страх? Еще бы. Но в его близости было что-то такое, что

заставляло кровь бежать быстрее, а не холодеть. Это было предательством по отношению к самой себе.

— Тогдапусти меня, — выдохнула я. — Докажи, что ты не монстр.

Он медленно, почти с нежностью, протянул руку и поддел пальцем прядь моих волос, выбившуюся из-под капюшона. Его прикосновение обожгло кожу, как раскаленное железо.

— Я не могу, — повторил он, и в его голосе прозвучала неподдельная, животная тоска. — Даже если бы захотел. Ты не понимаешь. Связь... она уже здесь.

Он прижал руку к своей груди, к тому месту, где должно было биться сердце.

А потом развернулся и пошел прочь по снежной тропе, оставив меня стоять одну на берегу озера, с разумом, полным хаоса, и с кожей, все еще пылающей от его прикосновения. Он был прав. Я чего-то не понимала. Но я чувствовала. Чувствовала эту чертову связь, о которой он сейчас говорил. И я боялась ее больше, чем его гнева.

Мысли метались между двумя навязанными стереотипами. С одной стороны, с юности увлекаясь поэзией, я мечтала найти свою половинку — встретить мужчину, предназначенного мне судьбой. С другой, опыт научил полагаться только на себя и не строить иллюзий. В наше время женщина — вполне самостоятельная, самодостаточная личность, а не какая-то там половинка!

До сих пор мне всё удавалось, я многого добилась без под-

держки, без крепкого мужского плеча, которого не наблюдалось в моём окружении. Меня вполне устраивали курортные, ни к чему не обязывающие романы. Вот и отправляясь в тёплые края на новогодние праздники, я ждала чего-то волшебного и лёгкого. Но не такого же!

Я запрокинула голову и посмотрела в серое небо, выискивая там кого-то всемогущего:

— Мнение девушки никого не интересует? Магия, истинность, красивый аристократ... Это перебор!

Почему кто-то решает за меня? Выдернули из привычной, вполне удобной жизни, зашвырнули в чужой мир... Как его называл мой граф?

Остерферд... Ну, такое...

Я сказала «мой»? Оговорочка. Никакой он не мой! А я тем более не его. Между прочим, Геральд тоже не рад подарочку небес. Нас двоих, как слепых котят, взяли за шкурку, толкнули носами да ещё и связали ленточкой в пару, мол, вот вам истинность! Не благодарите.

Слёзы навернулись, я поспешила смахнуть их. Холодно.

Рассуждать о коварстве судьбы можно бесконечно и сетовать на невезение тоже, однако пользы в этом нет. Я должна взять себя в руки, как следует изучить ситуацию и наметить план освобождения. А пока ничего лучше не придумала, придётся быть паинькой — усыпить бдительность слуг-тюремщиков, завоевать доверие графа и найти-таки возможность вернуться домой. К себе домой — туда, где я сама рас-

поряжаюсь своей судьбой, сама решаю с кем жить и кого любить.

Ещё немного полюбовавшись красивым видом — искрящимся на солнце чистейшим снегом, покрытыми изморозью ветвями деревьев, похожих на кружево, гладким льдом озера, по которому так и хотелось промчаться на коньках, — я печально вздохнула и побрела по тропинке к дому. Не так я собиралась провести новогодний отпуск, ох, не так! Где пальмы? Где ласковые волны, солёный ветерок, раскалённая галька, шезлонги, парусники у горизонта, загорелые мужчины? Где мои смешливые подруги?!

Вот увидите, я сумею вырваться из холодного, как царство Снежной королевы, Остерферда и получить вожаемое тепло.

Я с уверенной решимостью сжала кулаки, совершила несколько боксирующих движений, подскакивая на тропе, отчего снег жалобно закрипел. От всхлипывания беззащитных снежинок мне вдруг стало тревожно, я огляделась и заметила в укутанных пышными белыми шалями кустах чью-то тень. Тёмная фигура, которую трудно было разглядеть, шевельнулась и осторожно сдвинулась в сторону, прячась за толстым стволом.

Ах, вы ещё и следите за мной!

Впрочем, ничего удивительного, Геральд не доверяет историчной гостье. Обида подкатила к горлу. Я, между прочим, прониклась к этому мужчине симпатией! Мне даже жалко

было потерять его навсегда. Что поделать, истинная связь, о которой он мне все уши прожужжал, и меня достала! Ну и пусть! Пусть он не способен избавиться от этой истинности, я другая, я человек двадцать первого века и не привыкла поддаваться чужой воле, особенно, когда меня вообще не спросили.

Гнев, горький и стремительный, вскипел во мне, смывая остатки растерянности и сомнений. Я резко наклонилась, с силой подхватила пригоршню мокрого, холодного снега и, не целясь, с размаху швырнула его в сторону мелькнувшего силуэта.

— Нате, получайте, шпионы несчастные! — выкрикнула я.

Снежок с глухим шлепком угодил точно в цель — в темный ствол дерева, за которым скрывалась тень. Раздался короткий, сдавленный возглас, и из-за укрытия выпрыгнул молодой парень в простой серой одежде, отряхивая с плеча снежную крошку. Это был один из младших слуг, мальчишка лет пятнадцати. Его глаза были круглыми от испуга.

— Про-простите, госпожа! — залепетал он, кланяясь так низко, что чуть не потерял равновесие. — Мне приказано... Граф велел... чтобы с вами ничего не случилось!

— Со мной ничего не случится, если вы все перестанете за мной ходить по пятам! — отрезала я, все еще кипя. — Иди и передай своему графу, что его «истинная пара» предпочитает уединение!

Мальчишка, не поднимая головы, пулей рванул прочь по тропинке, оставив на снегу цепочку следов. Я стояла, тяжело дыша, пар вырывался изо рта белыми клубами. Рука, бросившая снежок, замерзла, но внутри горел огонь. Это был крошечный, почти детский бунт. Но он был моим. Моим решением.

Я повернулась и медленно пошла к дому, к своей золотой клетке. Но теперь в походке была не покорность, а вызов. Пусть следят. Пусть запрещают. Я нашла свою слабость в этой каменной твердыне — чужую волю можно встретить своей. И я собиралась использовать это. Не для того, чтобы покориться судьбе, а для того, чтобы обрести свободу. Пусть даже для этого придется сыграть в очень опасную игру с драконом, который начал казаться мне не только тюремщиком, но и самой большой загадкой в этой ледяной сказке.

Глава 4

Евгения Игоревна Дегтярева

После той прогулки что-то сломалось. Вернее, не сломалось, а вошло в новую, еще более опасную фазу. Холодная война сменилась невысказанным, напряженным перемирием, полным подводных течений.

Геральд перестал избегать меня вне завтраков. Он стал появляться в библиотеке, где я проводила большую часть времени, пытаясь по пыльным фолиантам понять мир, в который попала. Он не заговаривал со мной, просто садился в кресло у камина с какой-нибудь книгой или свитком. Мы молча сидели в одной комнате, и тишина между нами была густой, насыщенной невысказанными словами и неразрешенными конфликтами.

Я украдкой наблюдала за ним. При свете огня его черты казались менее резкими. Он мог часами сидеть неподвижно, полностью погруженный в чтение, и в эти моменты он выглядел... обычным человеком. Уставшим, задумчивым. А потом он поднимал глаза, и его взгляд, тяжелый и знающий, находил меня, и я отводила глаза, чувствуя, как краснею, как будто меня поймали на чем-то постыдном.

Он начал задавать вопросы. Сначала осторожные, нейтральные.

— Тебе нравится читать? — спросил он как-то вечером, его голос прозвучал глухо в тишине библиотеки.

— Да, — коротко ответила я, не отрываясь от книги по истории Остерферда, которая оказалась невероятно скучной.

— А что ты читала в своем мире?

Вопрос застал врасплох. Он интересовался. По-настоящему.

— Разное, — сказала я, закрывая книгу. — Фэнтези, как ни странно. Про драконов, магов, эльфов...

— Эльфов? — переспросил он, нахмурившись.

— Эльфов. Длинноухих красавцев.

На его лице промелькнула тень брезгливости.

— Жалкие, хитрые создания. Лучше держаться от них подальше.

От его тона стало смешно и горько одновременно. Я сидела в поместье у настоящего дракона, и он с презрением отзывался об эльфах. Моя жизнь превратилась в ту самую книгу, только без хэппи-энда.

Постепенно разговоры стали длиннее. Он расспрашивал о моем мире. О самолетах, телефонах, городах. Я рассказывала, и он слушал с невероятным вниманием, его умный, пронизательный взгляд впивался в меня, ловя каждое слово. Иногда он переспрашивал, уточнял детали. Казалось, он пытался выстроить в голове картину того, откуда я взялась.

А я... я начинала видеть в нем не только похитителя. Я видела умного, одинокого человека, обремененного грузом от-

ветственности и какими-то своими тайнами. Тот огонь, что я мельком видела в его глазах у озера, больше не проявлялся. Он был сдержан, как крепость.

Как-то раз я нашла в библиотеке книгу с иллюстрациями драконов. Сердце ушло в пятки. На рисунках были изображены огромные, величественные существа с перепончатыми крыльями и чешуей, сверкающей на солнце. Один из них, черный, с янтарными глазами, был подписан: «Дракон клана Деверсов».

Я сидела, рассматривая изображение, когда за моей спиной раздался его голос:

— Не самое точное изображение. Художник явно меня никогда не видел.

Я вздрогнула и захлопнула книгу, как школьница, пойманная за чтением запрещенной литературы.

— Извини, я просто...

— Ничего, — он подошел и взял книгу у меня из рук. Его пальцы ненадолго коснулись моих, и снова этот знакомый толчок тока. — Они всегда рисуют нас слишком... звероподобными. Не учитывают интеллект.

Он говорил об этом так спокойно, как будто обсуждал погоду.

— А каково это? — выдохнула я, не в силах сдержать любопытство. — Быть драконом?

Он посмотрел на меня, и в его глазах заплясали огоньки.

— Это... сила. Свобода. Но и одиночество. Видеть мир

с высоты и знать, что никогда не сможешь быть его частью наравне с другими.

В его словах была такая бездонная грусть, что мне захотелось... что? Утешить его? Это было безумием.

— Я думала, вы, драконы, все такие гордые и могущественные. А вы... одинокие.

Он улыбнулся. Впервые по-настоящему. Улыбка преобразила его лицо, сделав его моложе и... опаснее.

— Я смотрю, ты уже начала ассоциировать себя с нашим миром?

— Нет! — ответила я слишком поспешно, отступая на шаг. — Я просто...

— Не бойся, Евгения, — он положил книгу на полку. Его голос снова стал серьезным. — Я не трону тебя. Пока ты не будешь готова.

Эти слова «пока ты не будешь готова» повисли в воздухе зловещим обещанием. Они напомнили мне, что несмотря на все эти разговоры, на зарождающееся любопытство, даже на какую-то странную симпатию, я все еще была его пленницей. Его собственностью, которую он собирался взять, когда сочтет нужным.

— Я никогда не буду готова, — прошептала я, глядя ему прямо в глаза.

Он поймал мой взгляд, и в его янтарной глубине снова вспыхнул тот самый, дикий огонь.

— Никогда не говори «никогда», — тихо ответил он. —

Судьба — дама с своеобразным чувством юмора.

Он вышел из библиотеки, оставив меня одну с дрожащими коленями и сердцем, которое отчаянно стучало не только от страха, но и от чего-то другого. От предвкушения. И это пугало больше всего.

Наступил вечер, который должен был все изменить. Геральд объявил, что в замок прибыли гости — барон с семьей, что живут в соседнем поместье, и я должна присутствовать на ужине.

— Я не пойду, — заявила я с порога, едва он сообщил мне об этом. Мы стояли в спальне, где Лия уже готовила для меня очередное неудобное, но роскошное платье.

— Ты пойдешь, — его голос не допускал возражений. — Ты — моя гостя, и твое присутствие необходимо. Барон фон Хольц влиятельный человек. Его благосклонность важна.

— А мое желание не важно? — вспыхнула я. — Я не хочу быть выставленной на показ, как твоя экзотическая диковинка!

Он шагнул ко мне, и его лицо стало мрачным.

— Ты не диковинка. Ты моя истинная пара. И все должны это увидеть. Это защитит тебя.

— Защитит от чего? — в голосе моем зазвенела истерика. — От тебя самого?

Его рука молниеносно сжала мое запястье. Не больно, но очень твердо. Его пальцы были обжигающе горячими.

— От тех, кто захочет оспорить мое право на тебя. В нашем мире сила — единственный аргумент. И сегодня я продемонстрирую, что ты под моей защитой. Нравится тебе это или нет.

В его глазах горела та самая драконья ярость, которую я видела лишь мельком. Она была пугающей и... притягательной. В ней была первобытная сила, против которой мое упрямство казалось детским капризом.

Вечером Лия и горничные превратили меня в куклу. На мне было темно-синее бархатное платье, расшитое серебряными нитями. На шею повесили тяжелое серебряное кольцо с сапфиром, который точно соответствовал цвету моих глаз. Я смотрела на свое отражение в зеркале и не узнавала себя. Изможденное лицо, огромные глаза, полные страха и злости. И в то же время... в этом наряде была какая-то дикая, чужая красота.

Когда я вошла в большую столовую, разговор смолк. За длинным столом сидело еще трое человек. В центре, рядом с Геральдом, — полный, краснолицый мужчина с хищным взглядом — барон фон Хольц. Рядом с ним — его жена и дочь, разглядывавшие меня с нескрываемым любопытством и высокомерием.

Геральд поднялся мне навстречу. Он был в парадном черном камзоле, от которого его темные волосы и глаза казались

еще ярче. Он выглядел потрясающе. И опасно. Он взял мою руку и положил ее на свое предплечье, его прикосновение было властным и уверенным.

— Моя гостья, Евгения, — представил он меня собравшимся, и его голос прозвучал так, будто он представлял королеву.

Меня усадили рядом с ним. Ужин проходил в напряженной атмосфере. Барон постоянно задавал колкие вопросы, пытаясь выведать, кто я и откуда. Геральд парировал их с холодной вежливостью, но я чувствовала, как напряжены мышцы его руки под моими пальцами.

— Говорят, вы упали с неба, моя дорогая, — с фальшивой сладостью в голосе сказала дочь барона, Эльфрида. — Должно быть, страшное потрясение. Особенно для... простой девушки.

Ее взгляд скользнул по моим рукам, ища признаки грубой работы. Я сжала кулаки. Геральд положил свою ладонь поверх моей, успокаивающе. Его тепло снова пронзило меня.

— Евгения проявила недюжинную стойкость, — холодно ответил Геральд. — Качество, редкое для знатных дам.

Эльфрида покраснела и умолкла. Но барон не унимался.

— И все же, Геральд, не кажется ли тебе, что такая... связь... может быть неодобрительно встречена при дворе? Ты последний в своем роде. Тебе нужна сильная партия, а не... загадка.

Воздух в комнате сгустился. Геральд медленно повернул

голову к барону. Его глаза стали узкими, как щелочки.

— Мои предки, — произнес он тихим, шипящим голосом, в котором слышался отзвук драконьего рыка, — всегда сами выбирали свою судьбу. И я последую их примеру. Моя связь с Евгенией — воля богов. А тех, кто сомневается в воле богов, я считаю своими врагами. Ты не хочешь стать моим врагом, не так ли, Хольц?

В столовой воцарилась мертвая тишина. Барон побледнел и откашлялся.

— Конечно нет, дорогой граф. Я просто выражаю... отеческую заботу.

Остаток ужина прошел в натянутой, формальной беседе. Я сидела, как в тумане, чувствуя на себе любопытные, завистливые, враждебные взгляды. Я была чужим атрибутом в этом мире, и все это видели. Все, кроме одного человека. Того, кто сидел рядом и своей волей ограждал меня от этой враждебности.

Когда гости наконец уехали, он проводил меня до моих покоев. Мы шли молча по темному коридору. У двери он остановился.

— Ты держалась хорошо, — сказал он. Его голос снова стал обычным, усталым.

— Я ненавидела каждую секунду, — выдохнула я, чувствуя, как дрожу от перенапряжения.

— Я знаю. — Он поднял руку и провел пальцами по моей щеке. Его прикосновение было неожиданно нежным. — Но

ты была прекрасна. И сильна. Они это увидели.

Я посмотрела на него. При свете факелов его лицо было изрезано тенями. Он был загадкой. Моим тюремщиком и моим защитником. Источником моего страха и... странного, непонятного чувства, которое начинало пускать корни в моей душе.

— Почему ты защищаешь меня? — прошептала я. — Ты же можешь просто запереть и забыть.

Он наклонился ко мне так близко, что его губы почти коснулись моего уха. Его дыхание обожгло кожу.

— Потому что ты моя, — прошептал он. И в этом не было злобы. Была простая, животная уверенность. — И никто не посмеет тебя тронуть.

Он повернулся и ушел. А я осталась стоять у двери, прижав руку к щеке, которая все еще горела от его прикосновения. И впервые за все это время я подумала, что, возможно, самый большой побег мне предстоит совершить не от него, а от самой себя. От этой тяги, которая росла во мне с каждым днем, вопреки всему рассудку и воле. Это было страшнее любой стены.

Ночь после ужина я не спала. Слова Геральда, его прикосновение, жгучее и нежное одновременно, звучали в ушах и отзывались огнем под кожей. «Ты моя». Эти слова должны были вызывать отвращение, желание бунтовать. Но они вызывали что-то другое. Какую-то темную, первобытную дрожь признания.

На следующее утро я не пошла к завтраку. Притворилась больной. Мне нужно было время, чтобы подумать. Разобраться в хаосе чувств. Лия принесла мне травяной чай и озабоченно хлопотала вокруг, а я лежала, уставившись в потолок, и пыталась отделить ненависть и страх от того нового, тревожного влечения.

К полудню я не выдержала духоты комнаты и вышла в маленький внутренний садик. Воздух был холодным и свежим. Я села на каменную скамейку, кутаясь в меховую накидку, и закрыла глаза, пытаясь представить себе шум машин, голоса людей, лица подруг... Но образы были размытыми, неясными. А лицо Геральда — его холодное, надменное выражение, его редкие улыбки, огонь в глазах — было таким ярким, таким реальным.

Вдруг я услышала шаги. Быстрые, легкие. Это был не Геральд. Из-за поворота тропинки появилась Лия. Она была бледная, запыхавшаяся, в руках она сжимала какой-то маленький, свернутый в трубочку клочок бумаги.

— Госпожа! — прошептала она, озираясь по сторонам. — Это для вас! Только, умоляю, никому!

Она сунула мне бумагу в руку и, не дожидаясь ответа, пулей выскочила из сада.

Сердце заколотилось. Я развернула бумагу. Почерк был неровным, торопливым, но знакомым до слез.

«Женька, это я, Лера! Я жива, я у магната Вильяма Терведсона. Он друг дракона, у которого сейчас ты. Варю я не

нашла, но не теряю надежды. Держись, я что-нибудь придумаю. Мы должны встретиться. Будь осторожна, не доверяй никому. Л.»

Кровь ударила в виски, застучала в ушах. Лера! Она жива! Она здесь, совсем рядом! И она пишет «дракон». Значит, она знает. Знает, где я и у кого. И Варя... бедная Варя, где же она?

Я перечитала записку еще раз, потом еще, впитывая каждую закорючку, каждый оборванный край бумаги. Это был не сон. Это была тончайшая нить, связывающая меня с прошлой жизнью, с надеждой. «Не доверяй никому». Да я здесь и не доверяла, казалось бы. Но Геральд... его образ вдруг предстал передо мной в новом свете. Не просто похититель, а «дракон». Часть этой чужой, жестокой системы. Друг того самого Вильяма, у которого сейчас Лера. Что, если они заодно? Что, если все эти ужины, прогулки, разговоры лишь часть какого-то плана?

Жгучая радость от весточки сменилась леденящим страхом. Если Лия принесла записку, значит, она связана с Лерой. А если ее связь раскроют... Я представила себе холодные глаза Геральда, его гнев. Что он сделает со служанкой? Со мной?

Я судорожно скомкала записку, собираясь разорвать ее, но остановилась. Нет. Это была единственная вещь, доказывающая, что я не сошла с ума. Я осторожно разгладила бумагу, спрятала ее за подкладку платья, прямо у сердца. Те-

перь она жгла меня, как раскаленный уголь.

Весь день я провела в лихорадочном возбуждении. Каждый шорох заставлял вздрагивать. Я пыталась поймать взгляд Лии, когда она приносила обед, но девушка упорно смотрела в пол, ее руки мелко дрожали. Она боялась. И ее страх был заразителен.

К вечеру я не выдержала. Мне нужно было увидеть Геральда. Проверить его. Увидеть в его глазах хоть каплю правды или, наоборот, подтверждение самого страшного. Я сказала Лии, что буду ужинать в столовой.

Он уже сидел за столом, когда я вошла. В этот раз на нем не было парадных одежд, только простой темный дублет. Он выглядел усталым, его взгляд был устремленным куда-то вглубь себя. Увидев меня, он слегка удивился.

— Я думал, ты нездорова, — сказал он, его голос был лишен обычной металлической твердости.

— Поправилась, — коротко ответила я, усаживаясь напротив. Я впилась в него взглядом, пытаюсь прочитывать хоть что-то на его замкнутом лице.

Геральд заметил мое напряжение.

— Что-то случилось?

Вопрос был задан спокойно, даже с легкой долей участия. Не таким тоном говорят люди, готовящие ловушку.

— Нет, — солгала я, опуская глаза к тарелке. — Просто... задумалась.

Мы ели молча. Напряжение висело между нами тяжелой

завесой. Я чувствовала его взгляд на себе, изучающий, вопрошающий.

— Сегодня ко мне приходил фон Хольц, — неожиданно произнес он, откладывая нож. — Он принес документы на владение рудниками у восточной границы. Предлагает выгодную сделку.

Я молчала, не понимая, к чему он это говорит. Какое отношение это вообще имеет ко мне? Зачем он это говорит?

— Но есть условие, — продолжал Геральд, и его голос стал тише. — Он хочет породниться. Считает, что его дочь, Эльфрида, будет для меня более... подходящей партией.

Ледяная волна прокатилась по моей спине. Вот оно. Разгадка. Барон видел во мне угрозу своим планам. А Геральд? Что выбрал он? Выгодную сделку или свою «неподходящую» судьбу?

— И что ты ему ответил? — выдохнула я, боясь услышать ответ.

И почему меня это волнует?!

Он посмотрел на меня, и в его глазах не было ни лукавства, ни жестокости. Была усталая решимость.

— Я сказал, что не торгую своей судьбой. И посоветовал ему никогда больше не произносить имя моей истинной пары всуе.

От его слов стало одновременно тепло и страшно. Он защищал меня. Снова. Но почему? Из чувства долга? Из собственнического инстинкта? Или...

— Почему? — не удержалась я. — Почему ты так держишься за меня? Что я для тебя на самом деле? Долг? Игрушка? Трофей?

Он откинулся на спинку стула, его взгляд стал острым, пронзительным.

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да!

Геральд помолчал, словно взвешивая слова.

— Ты — тишина перед бурей. Ты — единственный человек в этом мире, который смотрит на меня и не видит графа фон Деверса, дракона, владельца земель. Ты видишь только мужчину. И ненавидишь его за это. Но даже эта ненависть честнее всей лести моих вассалов. — Я замерла, пораженная. В его словах была такая горькая, неприкрытая правда, что все мои подозрения вдруг показались мелкими и незначительными. — Я не знаю, кто ты такая и зачем боги прислали тебя именно мне, — продолжал он тихо. — Но ты здесь. И я чувствую тебя здесь, — он прижал руку к груди. — Каждую секунду. Как раскаленный уголек, который нельзя ни вытащить, ни потушить. Это мучительно. Но я не хочу, чтобы это прекращалось. — Он встал из-за стола, подошел ко мне. Его тень накрыла меня. Он не прикасался ко мне, но я чувствовала исходящее от него тепло, его запах. — Ты спрашиваешь, что ты для меня? — его голос прозвучал прямо над моим ухом, низкий, вибрирующий. — Пока — это боль. Надеюсь, когда-нибудь это станет чем-то большим.

Он развернулся и вышел из столовой, оставив меня одну с бьющимся как птица сердцем и с комом записки Леры, который жег мне грудь, словно клеймо.

Две правды столкнулись во мне. Одна — на клочке бумаги, зовущая к свободе, к подруге, к прошлой жизни. Другая — в словах этого сложного, одинокого мужчины, который называл меня своей болью и своей надеждой.

И я, сидя в роскошной столовой чужого мира, впервые за все это время не знала, чего я хочу на самом деле. И от этой неизвестности было страшнее, чем от любых замков и запретов.

Глава 5

Евгения Игоревна Дегтярева

Утро было обычным, если не считать того, что завтрак мне принесли в покои. Не то чтобы я огорчилась, скорее, удивилась. Мне хотелось как можно скорее придумать план побега, подготовиться, найти сообщников, назначить удобное время. Желательно поскорее, ведь чем дальше, тем сильнее я ощущала необъяснимое притяжение к мужчине из чужого мира, всё возрастающий интерес к тайнам, тщательно хранямым Геральдом.

Я засыпала вопросами посетившую мои покои экономку:

— Что случилось? Граф покинул поместье? У него дела?

— Его милость должен подготовиться к визиту в замок...

— бесстрастным голосом объявила Урсула.

— У него есть замок? — удивилась я. — Далеко? Можно будет поехать с Геральдом?

Мне здорово надоело безвылазно сидеть в поместье, занятый тут было немного, общения ещё меньше, и я надеялась, выбравшись в другое место, обнаружить новые зацепки для осуществления своих намерений.

— Род фон Деверсов богат и могущественен, — выпятив губу, сообщила мне экономка, — он владеет обширными землями, однако сегодня Его милость не будет объезжать

их, он приглашён на светский раут его величеством. Вас, разумеется, граф должен представить обществу.

— Это ещё зачем? — растерянно попятилась я. Знакомство с высшим светом не привлекало меня от слова совсем. Барон и его семейство дали мне исчерпывающее впечатление о местной аристократии. — Пусть один едет! Я не буду скучать.

Урсула закатила глаза и развела руками, изображая удивлённую выходкой избалованного ребёнка воспитательницу.

— Мы не будем это обсуждать, госпожа. Не стоит понапрасну тратить время, Его милость приказал подготовить вас к рауту.

— В смысле подготовить? — вытаращилась я на неё и отставила чашку с недопитым чаем.

— Лия вам поможет, — бесцветным голосом пообещала дама и направилась к двери: — Я прикажу принести платье.

— Принести? Зачем? У меня весь гардероб забит тряпками!

Урсула оглянулась, прежде чем выйти:

— Для посещения королевского дворца необходимо соблюдать протокол. Не волнуйтесь, госпожа, мы всё предусмотрели.

Началось! Опять меня вынуждают делать что-то против моей воли, не спрашивая желаний.

Возразить я не успела, Урсула скрылась за дверью. Служанка, заметив, какое недовольное у меня лицо, поспешно

сделала книксен и залепетала, низко наклонив голову:

— Что предпочитает госпожа: тёплую ванну с ароматной солью или магический освежающий поток?

— Что за поток? — удивилась я.

— Это дорогостоящая процедура, но ради посещения королевского замка Его милость позволил воспользоваться ей, даже настаивал.

— Ну, раз настаивал! — развела я руками, вставая из-за стола. — Куда идти?

В другой раз, прежде чем соглашаться на что-то незнакомое, нужно сто раз подумать, особенно, если на «процедуре» настаивает вредный и упёртый дракон! Нет, внешне всё выглядело очень даже прилично. Лия провела меня через скрытую красивым гобеленом арку, которую я раньше не замечала, и указала на искрящуюся кушетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.